

ОТЧЕТ О ПРОДЕЛАННОЙ ЖИЗНИ

Она самый плодовитый современный драматург, в ее багаже более шести десятков пьес. В университетах Америки и Канады читают курс, посвященный драматургии Надежды Птушкиной. Ее очень не любят наши театральные критики, но обожают публика. Я знаю ее уже много лет и порой сомневаюсь: не может быть! А может, это вовсе и не она?

Елена Тришина

Лет двадцать назад я познакомилась с милейшей скромной женщиной – сотрудницей института повышения квалификации работников культуры. Надежда была как бы припорошена житейской рутинной. Конечно, семья большая: муж актер, трое детей да еще половину жизни на ее попечении младший брат-инвалид. Потом я с удивлением узнала, что какая-то пьеса Нади получила какую-то премию. Ну что ж, подумала я, бывает! Когда встретились в начале 90-х, передо мной была уверенная, смелая и рискованная женщина – начинающий предприниматель. Еще через несколько лет я услышала о преуспевающем драматурге, у которого были ее имя и фамилия – Надежда Птушкина. Увиделась недавно, а она почти не изменилась – все так же миловидна, категорична в суждениях и остра на язык. Дети выросли, с мужем разошлась. Много лет живет в старом доме в центре Москвы. Ее квартира – под номером одиннадцать, хотя на подъезде ясно написано, что квартира всего десять. В квартире живут еще три собаки и четыре кошки, подобранные, естественно, на улице. Во всем ее облике, в манере общения по-прежнему чувствуется что-то особенное, ленинградское...

– *Надя! Ну кто же, кроме нас самих, о нас и расскажет, не правда ли? Давай начнем с начала.*

– Я родилась в Ленинграде и жила там с родителями до семнадцати лет. Отец родом из Белоруссии, приехал в Ленинград после войны. Его комисовали из лагеря – туберкулез. А попал он туда из Германии, где сначала тоже был в концлагере. Его с простреленным легким вместе с другими ранеными фашисты бросили в известковую яму. Когда очнулся, увидел, что люди, обезумев от голода, ели извесь. А он не ел. В итоге выжил и запомнил на всю

жизнь: надо терпеть и не есть дерьмо ни при каких обстоятельствах! Ближе к 45-му году в лагерь попал и какой-то американец, с которым отец подружился. Были они в зоне Германии, которую освобождали войска США. Друг его знал с собой, но отец не решился отправиться в Америку. И это спасло ему жизнь – всех, кто туда уехал, потом депортировали и расстреляли прямо на границе. В Ленинграде отец познакомился с моей будущей мамой, и она его вылечила. А может, любовь помогла?

Жили мы в тридцатиметровой комнате большой семьей. Папа, мама, мамина сестра – вдова, ее сын, мой двоюродный брат (старше меня на одиннадцать лет), и бабушка. Наши тридцать метров взрослые так разумно разгородили на три комнатки, что у каждого получился отдельный угол. Уютней и спокойней для меня до сих пор еще не было места на земле. Сейчас от моего дома и просторного двора со старыми деревьями и огромной кирпичной стеной, отгораживающей от завода, ничего не осталось. И завод снесли. А я все свое детство просыпалась по заводскому гудку. Включалось радио, звучал гимн, и потом зарядка: «Внимание! Станьте прямо, положите руки на пояс!». А я думала: «на поезд» – и поднимала руки вверх, закидывала их на невидимый высокий вагон и делала старательно упражнения. Так до сих пор зарядку и делаю. Школьную практику проходила на том же заводе. И после школы сразу же пошла работать «по специальности» – слесарем. Случилось самое страшное, чего боялась моя мама, и она пришла разбираться на завод. «У нас в семье достаточно слесарей», – твердо заявила она.

– *Кем мама хотела тебя видеть?*

– Не знаю, но точно не слесарем. Она не давила на меня, но твердо знала, что надо учиться. Воспитывала

меня, мама и папа удивительно дополняли друг друга. И если папа учил меня быть принципиальной и бескомпромиссной, то мама учила, как, будучи принципиальной и бескомпромиссной, выжить.

– Любому из нас кажется, что детство его было абсолютно счастливым и особенным. Правда?

– Конечно! Мне вспоминается уютная теснота комнат. Старинная мебель, фарфоровая посуда, пейзажи в тяжелых рамах (мой погибший на войне дядя был художником), темные иконы. И до сих пор я чувствую что-то свое, родное и уютное, бывая в разных музеях. На полке – прижизненные издания Чехова в черных переплетах. По Чехову и старинному букварю я училась читать и писать. Так и выучилась – с буквой «ять». Исправляли уже в школе. Оставалась я дома с бабушкой. Играли мы с ней в карты, и она все рассказывала-пересказывала мне историю семьи, аж до пятого колена. И я знала всех своих пра-пра по именам и отчествам, их характеры, привычки, перипетии судеб. До сих пор у меня ощущение, что это знание истории своего рода словно бы охраняет меня в жизни.

Скрипка и немножко нервно

– Как в твою жизнь вошел театр?

– Но была в моем детстве и особенная история. Благодаря ей я поняла многое: что такое быть отвергнутой, что такое безнадежная любовь и что такое бездарность. Я мечтала стать скрипачкой, не менее виртуозной, чем Паганини. Страсть оказалась, увы, не взаимной: у меня совершенно не было музыкального слуха! Я училась в лучшей музыкальной школе, у великодушного педагога. Была, увы, бездарна, но мой педагог любил меня и сочувствовал мне. В иные дни я как одержимая играла по шесть часов, хотя меня никто никогда не принуждал. Мои экзерсисы доводили соседки до отчаяния. Надежная звукоизоляция была только в уборной. Моим подиумом стал туалет, потому что остальное пространство занимал пюпитр. Я играла до тех пор, пока кто-то не начинал претендовать на мое укрытие. Мне казалось, что мы со скрипкой – сиамские близнецы. И так продолжалось семь лет. Мечта моя была скромной: играть на скрипке в кинотеатрах перед киносеансами, как это было принято. Но однажды я все-таки поняла, что мечте не суждено сбыться. Реальная действительность оказалась сильнее, чем моя страсть. В четырнадцать лет я рассталась со скрипкой. Было нестерпимо больно, и сразу оказалось много пустого времени. Именно тогда я и начала очень много писать. Иногда мне кажется, что все, что я написала, на самом деле о чувствах той девочки, так любившей скрипку. Со временем я поняла очень важные вещи: даже самая отчаянная борьба иногда приводит к поражению. Но поражение бывает достойным, если ты сделал все что

мог. Скрипка на всю жизнь приучила меня к смирению, к дисциплине и к отчаянному труду.

«Пиши, деточка, пиши!»

– В седьмом классе я отнесла в ТЮЗ пьесу под названием «Моя острва» – о нашей школьной жизни. Честно говоря, не перечитывала ее с тех времен ни разу, страшновато как-то. В девятом классе написала сценарий для «Ленфильма», настоящий киношный.

– Ничего не взяли?

– Нет, но польза была от всего. Я оставила тетрадку со сценарием на вахте «Ленфильма». Недели через две ко мне вышла редактор, посмотрела на меня – девочку с косичками – с явным любопытством

«Могла ли когда-то пойти по другому пути? Возможно, были упущения. Надо было гораздо раньше развестись с мужем и раньше заняться драматургией профессионально. А, может быть, все и вовремя?»

и сказала: «Пиши, деточка, пиши!» А в ТЮЗе тоже все сбегалось на меня посмотреть, пьесу отложили: в сторонку и спросили: «А ты не хочешь на актерский поступать?» Я с готовностью согласилась. Мне надо было только букву «р» исправить. Позанималась я добросовестно с логопедом и пришла в студию к Карагодскому. И тут снова вмешался случай. Во время беседы в кабинет ворвалась какая-то дама и темпераментно обрушилась на мэтра: «Актриса N играет пятисотый спектакль! На юбилей надо пригласить еще того-то и того-то!» Тут у меня в горле все перехватило и сломалось что-то внутри. Я подумала с ужасом: «Ну же! и я когда-нибудь должна буду пятьсот раз произносить одно и то же!» Вот на этом и закончилась моя актерская карьера, так и не начавшись. Вообще, актеры – люди особенные. Мой брат Аркадий говорил: «Ну разве нормальный человек может поверить триста раз подряд, что он Принц Датский?» Актер – другой вид человека, и если ты не этого вида – лучше туда не лезть.

И я увлеклась археологией и историей. В конце девятого класса уже точно знала, что буду археологом. А потом случайно посмотрела фильм «Александр

Невский» и горько зарыдала, поняв, что брошу археологию и обязательно стану кинорежиссером.

– *Но ведь стала же в конце концов!*

– Да, но прежде мне пришлось посвятить себя своим трем детям, о чем совершенно не жалею... Я жила так смело, словно кто-то обещал мне: в итоге, что бы я ни делала, все будет хорошо. В семнадцать лет я поступила на ВГИК на киноведческий факультет. Жила в общежитии, крутила романы, смотрела массу кинофильмов, полюбила Москву, завела друзей, которые со мной до сих пор. Но ушла сама из ВГИКа, потому что решила: киноведение – это не мое. Вернулась в Ленинград, поступила к Георгию Александровичу Товстогону на режиссерский факультет ЛГИТМиКа. Великолепные преподаватели, расцвет театра в Ленинграде, и мы, студенты, старались не пропустить ничего. Но из этого института тоже ушла... В Москве набирал курс Олег Николаевич Ефремов, и я поступила на режиссерский факультет Школы-студии МХАТ. К Ефремову меня потянуло, потому что творчество его выражало современность. Учился хорошо, появились новые друзья.

– *А с мужем познакомилась в театральном институте?*

– Да, он учился на третьем курсе, я на первом. Михаил был одним из самых красивых мужчин и уж точно – самым добрым. Я и до сих пор так считаю. За время учебы на режиссерском и у детей ухитрилась родить: на втором курсе Ксюшу, на третьем – Мишу. А через полтора года родился Женя.

– *Откуда такое желание – иметь много детей?*

– Я выросла в большой и очень счастливой семье. И хотела создать свою большую и очень счастливую семью. И детей хотела много, но обстоятельства не позволили. Сначала мы жили с мамой мужа, потом в коммуналке на первом этаже, без горячей воды. Это была «нехорошая» квартира – там жил человек, замешанный в громком убийстве, и нам, естественно, приходилось с ним общаться. Он был хорошим соседом, как ни странно. Но хорошим он стал только после того, как я его ударила табуреткой по голове. Я была беременна вторым ребенком, а в Ленинграде у меня была парализованная мать, больной раком отец и совершенно беспомощный маленький брат. Оставив их всех на тетю и двоюродного брата, я уехала рожать в Москву. А сынишка получил в роддоме заражение и сразу оказался в больнице. Я должна была проводить весь день с ним, а дома – крошечная дочь. Буквально разрывалась на части, но надо было держать себя в руках, чтобы молоко не пропало. Сосед наш водил проститутку, и все они, накурившись анаши, ночью горлачили и ломились к нам в дверь. Я сначала просила его утихомириться, потом вывешивала какие-то плакаты, потом уже не знала, что и делать. Однажды ночью мы столкнулись с соседом на кухне. Он поздоровался и отвернулся к плите.

Я молча схватила табуретку и с размаху ударила его по голове. Он ошеломился, но все-таки не посмел поднять руку на кормящую мать. Мы стояли и несколько минут молча в упор смотрели друг на друга. Потом он развернулся и ушел. После этого наступил мир и воцарилась тишина. Сосед перестал водить дам; более того, когда мне не с кем было оставить годовалую Ксюшу, брал ее к себе в комнату и кормил манной кашей... А вскоре нам улучшились условия: переселили в другую коммуналку – с тридцатиметровой комнатой и горячей водой. Это казалось раем! Тридцать метров, совсем как в коммуналке моего детства. Я все пыталась создать для каждого свое пространство. И сейчас дети говорят, что росли с ощущением, будто у каждого была отдельная комната.

«Гиря до полу достала!»

– *А что же муж, он-то чем занимался?*

– Михаил? Он вен себя по-разному. То старался, зарабатывал где мог и сколько мог. То целые периоды не работал, что-то все искал: то режиссера, то театр, то пьесу для самостоятельной постановки. Кстати, процесс поиска так за всю жизнь и не дал результата. Дважды уезжал куда-то на периферию. У нас с ним было разное отношение к семье. Для меня семья была бесспорным приоритетом, для него – помехой в карьере, тяжелой работой. Хотя, безусловно, он нас любил. Я вообще не могу сказать о нем ничего плохого – он не пил, не гулял, не делал ничего того, от чего жены плачут. Характер у него взрывной, но у меня, возможно, слишком жесткий. Не хочу искать виноватых. Мы прожили двадцать четыре года и разошлись по причине, которую и называть как-то неловко – женщины меня не поймут. Просто прошла любовь. Я перестала радоваться его приходам домой. Он приходил – у меня депрессия начиналась. Но мне долго это казалось неуважительной причиной, лет десять казались. Становилось все хуже – и мы расстались. Разошлись мирно. Думаю, с разводом немного затянули, но были объективные причины – он не хотел расстраивать свою маму, мы разошлись только после ее смерти. За то дети выросли в полной семье. Муж мне не изменял, такого унижения я не испытывала никогда в жизни. И я не изменяла. Для меня это конец отношений. Есть у меня черта характера, которую некоторые мужчины склонны принимать за отсутствие гордости. Я терплю все до последнего. Многие легко прощаю, незлопамятна вообще (меня обижают, я вспоминаю и страшно оскорбляюсь; принял извинения, моментально все забыла). Но только потому, что если расстанусь, то навсегда. Я не молчу, пытаюсь объяснить, поговорить. На мужчину производят впечатление только одно – когда говоришь ему «худи!» А я пытаюсь находить компромиссы до тех пор, пока не понимаю: больше не могу. Вот как говорят: «Гиря до

НАДЕЖДА ПТУШКИНА

- (1) С обратом в Ленинграде
 (2) Когда поняла, что Паганини из нее не выйдет, освоила гитару
 (3) Как Пушкин любил осень, так Птушкина любит зиму. И на пару недель обязательно отправляется туда, где белый снег.
 (4) Этим двух псов она подобрала на улице, отогрела, откормила...
 (5) Шестидария, 2007 год

полу достала!» И мужчины потом претензии предъявляю: ты же терпела так долго, почему же сейчас говоришь, что все кончено? Называют предательницей, ищут соперника...

Думаю, наш брак рухнул еще и потому, что муж считал: моя миссия – быть домохозяйкой, растить детей и ухаживать за ним. В мою самостоятельность он не верил. Слава богу, есть дети, которые всегда в меня верили и верят теперь. Без веры я просто не состою, слишком сильно в себе сомневаюсь. Когда работаю, постоянно преодолеваю страх, что ничего не получится. Ни опыт, ни успехи ничего не меняют. Страх есть всегда. Поэтому в работе мне так нужны надежные партнеры – продюсеры и режиссеры, которые бы помогли победить этот страх. Я горы сверну, я многое могу вытерпеть, но если человек не верит в меня, я лучше отойду от него в сторону.

– А каким должен быть человек, которого ты могла бы полюбить сейчас?

– Я не открою Америки, если скажу: хочу, чтобы рядом был мужчина, который бы меня любил, уважал, был бы мне другом, и мы были бы на равных, и ему было бы интересно, что со мной происходит, и ему было бы важно мое отношение к тому, что происходит с ним. И еще я должна быть главнее работы, карьеры, совещания, на котором он сидит сейчас. Никогда он не должен отодвигать меня на второе место, какие бы суперважные проблемы ни решал!

– Ты, должно быть, слышала, что среди мужчин сейчас популярно выражение: «Жена должна быть умной!»?

– Наверное, имеется в виду, что она должна закрывать глаза на измены, безропотно принимать раздражительный тон, мириться с пренебрежением к ней... И еще жена должна демонстрировать ничем не поколебимую любовь к нему. Я всегда интересуюсь: «А на любимых жениться не пробовали?»

Бизнес и Шекспир

– Начало твоей жизни, несмотря на трудности, было до удивления обычным. Все как у всех: училась, влюбилась, вышла замуж, родила детей...

– ...окончила институт, поставила дипломный спектакль, получила приглашение в театр, начала работать режиссером. В будущее я в то время смотрела с большим оптимизмом. Все рухнуло в один момент, когда тяжело заболели родители. Пришлось бросить все, забрать детей и отправиться в Ленинград. Муж уехал работать в Красноярский драматический театр. Так закончилась моя беспечная молодость и началась очень тяжелая взрослая жизнь.

Вернулась я в Москву только после смерти родителей, но из контекста театра выпала. Устроиться режиссером стало невозможно, а деньги нужны были каждый день – пришлось работать где попало. Спи-

сок мой не меньше, чем у Горького в повести «В людях». Главным критерием выбора работы стали не только деньги, но и время, чтобы быть с детьми. Я понимала, что у них одно-единственное детство, и если они будут одиноки или несчастливы, то этого не исправить уже никогда. Поэтому бывали и ночные смены, и подъезды убирала, и дома печатала на машинке непрерывно (как сейчас помню, двадцать копеек страница). И так двенадцать очень тяжелых лет! Но я понимала, ради кого и ради чего все это, и не чувствовала себя несчастной. К тому времени у нас появилась отдельная, довольно большая квартира, и мы смогли позволить себе неслыханную вольность: подарить каждому из детей по котенку. Эти кошки прожили с нами долгую жизнь и умерли совсем недавно.

Я много занималась образованием детей. Прочла им вслух всего Гайдара, Достоевского, Толстого, Диккенса. У детей выработалась страсть к чтению – полагаю, на всю жизнь. Я сама подготовила для них курс истории России, и года за два мы прошли его. Они до сих пор не путаются в царских династиях и войнах. Я понимала, что в наше время необходимо учить иностранные языки. Сейчас младшая дочь свободно владеет французским, училась в Париже, в Сорбонне. У нее отличный английский. Старшая знает английский и итальянский, сын – английский. И дети, и брат получили дневное университетское образование. Вот! Понимаю, похоже на отчет о проделанной работе, но это и есть моя жизнь!

– Ты вправе гордиться этим! Потому что была с нормальной жизнью своей семьи! Я помню, как в начале 90-х годов ты активно ринулась в предпринимательство...

– Я тогда поняла, что временными заработками больше семью обеспечить не удастся. Надо было предпринимать какие-то решительные шаги. Дети подросли, они были ответственны и дисциплинированы. Никаких проблем с ними не было. Кроме того, они были дружны, и на них можно было положиться во многом. И тогда я решила создать фирму. Назвала ее, конечно, «Шекспир». Сначала мы занимались культурными программами – и довольно успешно. Но

Досье

¶ Родилась в Ленинграде.

.....

¶ Окончила режиссерский факультет Школы-студии при МХАТ.

.....

¶ Автор более 60 пьес: «Браво, Лауренсия!», «Корова», «Монумент жертвам», «Ненормальная», «О, Александр!», «Овечка», «Пока она умирала...», «Приходи и уводи!..», «Шестерки» и других

потом меня «кинули» на 200 000 долларов, надо было их отработать. Пришлось торговать автомобилями. Создала я фирму вместе со своей подругой. Две порядочные, доверчивые и неискушенные женщины не очень-то вписывались в беспредел 90-х. Но моя бабушка всегда говорила: не знаешь, как поступить, поступай по закону. Поступать по закону оказалось не так уж наивно. Мы платили все налоги, проводили все деньги и через банк и избежали благодаря этому всяческих бандацких «крыш» и наездов. Да, честный бизнес не сделал нас богатыми, но зато мы остались живы и продержались на плаву всю первую половину 90-х. Потом я занялась драматургией, а подруга осталась в бизнесе, дела ее до сих пор идут хорошо.

– *«Занялась драматургией» – хорошо сказано, но пьесы в столе долго не удержишь, правда? Ты ведь, судя по всему, писать начала рано?*

«Я довольна, что во мне много энергии и сил, что я люблю и любима. В моей жизни хватало причин и для депрессий и для того, чтобы спиться и чтобы сломаться. Но всего этого не произошло»

– И довольно рано поняла, что мне хочется писать именно пьесы. По осознала себя драматургом поздно. У меня не было комплексов, я не размышляла, талантлива я или нет, ни с кем себя не сравнивала, но мне просто не приходило в голову отнестись пьесы в театр. Проблема в том, что я абсолютно лишена тщеславия. Первая моя пьеса попала в театр случайно. Это был санкт-петербургский театр «Эксперимент». Меня пригласили туда на читку пьесы «Мажор». На читке были главный режиссер Виктор Харитонов, его жена-актриса, администратор, уборщица, бухгалтер и рабоче-ремонтники. И еще почему-то десять драматургов. Я прочла. Все молчали, а драматурги пьесу раскритиковали... Уехала я абсолютно счастливая. Меня потрясло то, что эти люди собрались послушать мою пьесу и дослушали до конца. Через год меня снова пригласили в этот театр, но уже на премьеру по этой пьесе. Спектакль имел успех, и в том же сезоне театр поставил еще одну мою пьесу – «Неормальная». И опять успех. Тем же летом я написала «Овечку». Показала Харитонову, и он предложил мне устроить читку для «театральной общественности» Санкт-Петербурга. На эту

читку в огромное помещение театра собралось много народу. Слушали трепетно и даже отказались от перерыва. Отнеслись к пьесе с такой нежностью и вниманием, что это окрылило меня. Но главное, выступил один очень известный и уважаемый артист и сказал примерно следующее: «Знаете, сегодня у меня день рождения, но я отложил запой, чтобы явиться на эту читку. Вы не имеете права относиться к себе так небрежно! Вы – драматург! Раздайте пьесы по театрам, и через год вас будут звать вся Россия!»

Так впервые меня назвали драматургом. И я осознала себя как драматурга в одно мгновение. Это была осень 1994 года. Я вернулась в Москву и решила временно закрыть свою фирму «Шекспир». К этому времени было написано несколько десятков пьес. Распечатывала кучу экземпляров – по десять пьес в комплекте, я отправляла пешком по Тверской, начиная с театра Ермоловой, далее везде, завернув по пути еще и к ТЮЗу. В типовом сопроводительном письме я писала: «Уважаемый господин директор! Мне кажется, что в этот кризисный для театра период мои пьесы для вас – находка. Пожалуйста, отнеситесь к ним повнимательнее, они очень выручат ваш театр!»

– *Стало быть, не ты у них просила содействия, а сама предлагала свою помощь!*

– Я предлагала сотрудничество. Вскоре мне позволили с предложениями из нескольких театров. Один из завлитов так просто включил «денежный станок»: на ксероксе распечатывал мои пьесы для провинции – и у него их расхватывали как горячие пирожки. В общем, если в ноябре 94-го я еще не знала, как сложится моя судьба, то в 96-м уже состоялось много премьер. Судя бы, это две шумные, со скандальными статьями – по «Овечке» и по пьесе «При чужих свечах».

– *Я хорошо помню, что с середины 90-х фамилия Птушкина зазвучала громко. А что произошло с тобой? Ты подумала: «Наконец-то!» Или удивилась: «Что это со мной?»*

– Вот это – «неправдивая история», в которую трудно поверить. Дело в том, что я эмоционально пропустила весь свой успех. Я к этому времени была бесконечно уставшая. Благодаря успеху жизнь моя стала постепенно отлаживаться. Это было чудом – отдать все свое время только творчеству. Дети выросли. Деньги я зарабатывала только любимым делом. Быт упростился, потому что я смогла нанять домработницу и сиделку для брата. И появилась возможность отдыхать (до этого я не отдыхала лет пятнадцать). Я начала много ездить по миру, для меня стало привычно возможным сидеть в одиночестве где-нибудь во Франции, Швейцарии или в Египте и работать в полном покое и сосредоточенности.

– *Ты хочешь сказать, что сама себя, как Мюнхгаузен, вытаскивала из того состояния за волосы?*

– Да! Но на это ушло десять лет... А сейчас я готова радоваться успеху!